

Девичьи рецепты

Кристина Риц

Кристина Риц
Девичьи рецепты

«Издательские решения»

Риц К.

Девичьи рецепты / К. Риц — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936170-7

«Девичьи рецепты» — 5 трогательных историй о любви. Забавных и грустных. Правдивых и очень милых. Девочки, мечтавшие о светлых, искренних чувствах, выросли. Они строят карьеру. Ищут, находят и теряют любовь. Плачут и смеются. Погрузитесь в мир девичества: посиделок с подругами, разговоров по душам, первых свиданий и первых разочарований. Испытайте самые чудесные и сильные эмоции вместе с героинями рассказов Кристины Риц.

ISBN 978-5-44-936170-7

© Риц К.

© Издательские решения

Содержание

1. Как картошку пожарить	8
2. Как приготовить чиндогу	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Девичьи рецепты

Кристина Риц

© Кристина Риц, 2018

ISBN 978-5-4493-6170-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Как картошку пожарить

Чорт догадал ей влюбиться всей душой и всем талантом чувствовать. Чему удивиться? Когда молодой преподаватель, влюбленный в литературу туманного острова, стал засыпать ее цветами и комплиментами, искусно приправляя их пикантными историями из жизни хорошо знакомых ему англичан, кто бы устоял? Подняв бокал за Настину красоту, он вдруг вспоминал о возлюбленной Чарльза Диккенса, которой тот наслаждался и вдохновлялся, скрывая свою любовь от любопытных глаз, дабы не навредить юной Элен и своей репутации добропорядочного джентльмена и проговаривался о своем тайном чувстве в книгах. Умный и обаятельный Семен Михайлович приглушал и понижал голос, рассказывая то об увлечении Уайльда молодым человеком, за связь с которым ему пришлось дорого заплатить, то о разгульном, вечно рвущемся от действительности к сверхдействительности Байроне. Или, взяв ее под локоть, он читал сонеты на языке Шекспира, добавляя: «Что в дословном – в моем – переводе звучит так...».

Ее трепетность и трогательность, кажется, и подтолкнули Семена Михайловича к решению, на которое до тридцати с небольшим лет у него не хватало ни духу, ни души. Соблазнения ему давались куда лучше, чем первое предложение руки и сердца. Настя ответила «да», искренне веря в то, что теперь их академический роман превратится в долгую и красивую сагу. О том, как именно это произойдет, она не задумывалась. А следовало бы.

Она любила взахлеб, с каждым днем переполняясь нежностью, она почти знала, что рождена для того, чтобы любить этого мужчину, ему лишь одному служить и обожать его лишь одного. Когда же появилась на свет кричащая ночами, впрочем и днями, ее дорогая Таша, то Настя подправила свое предназначение и со всей свойственной ей страстностью отдалась материнскому чувству. Нет, «службу» свою она не бросила: всё так же вычитывала рукописи Семена, составляла указатели для его книг, готовила аппетитные расстегаи и фасоль с мясом, но на обожание не доставало ни времени, ни сил. В ответ Семен Михайлович стал резче закрывать дверь в свой кабинет, позже приходил домой, чаще уезжать в необходимые для него творческие командировки и рассказывать другим о тайной любовнице Диккенса, о греховной связи Уайльда и о пророчествах Байрона. С блестящего пиршества ума и обаяния Насте теперь доставались объедки: быстро брошенная фраза, наспех отпущенный комплимент или сухо выраженная признательность за перепечатанные лекции, выкупленные для него книги, просмотренные за него студенческие работы...

Подрастающей Таше тоже перепало немного: прижатие губами во время встречи и прощания, но чаще просьбы не мешать, не отвлекать, не беспокоить: «Я работаю, Таша. Хорошо?» Вряд ли Таша находила в этом что-то хорошее, но с неизменной нежностью, кивая светлой головкой, отвечала свое любимое «ладно», деля на два слога и заменяя «д» на «т», что делало ее покладистость невероятно достойной, совсем не для человека с трехлетним жизненным опытом. Но как бы очаровательно она ни произносила свое «лат-но», дверь неизменно закрывалась.

Настя переживала, теряя свою трепетность и заражаясь болящим духом. Порой ей становилось тяжело, порой одиноко, а порой невыносимо. Лишь самой себе она признавалась, что переоценила себя и силу своего чувства, которое за ее бесконечными стирками белья стало полинявшим и выцветшим. Отцовство оказалось Семену Михайловичу не по плечу, а ее материнство захлестнуло ее, вдруг дало ощущение силы, другого восприятия себя. Когда Настя взывала к его ответственности или кланчила внимания для Таши, Семен Михайлович уклонялся от таких разговоров, ссылаясь на занятость и на значимость своего нынешнего исследования. Ведь он разбирает дневник Джона Эвелина, потому что еще никто не вычитал в нем той тайной истории, которую Семен Михайлович давно бы расшифровал, если бы его не отвлекали.

Она понимала, что состязание с английским джентльменом, хоть и умершим бог знает сколько лет назад, ей не выиграть. Позаимствовав у дочери замечательное «ладно», Настя отступала и возвращалась к кастрюлям, книгам и грустным мыслям.

Она не отпускала из души надежду, что Семен Михайлович непременно сделает ее с Ташей главным предметом своего внимания. Но ждать неведомо сколько было невыносимо. И однажды его равнодушие проступило въяве. Таша горела от температуры, и, как на грех, за ночь все жаропонижающие сиропы кончились. Нужен был врач, лекарства и поддержка, но у Семена Михайловича была важная встреча с будущей аспиранткой. Пружина терпения, сжимавшаяся под давлением равнодушия в течение последних трех лет, не выдержала. И Настя сорвалась совсем не по-шекспировски, а очень по-русски: она позвонила маме, вызвала такси, собрала Ташу и уехала к родителям. Как оказалось, почти на год.

В течение первых дней после этого события оба наговорили, как это часто бывает, лишнего, в выражениях пристойных, но от этого не менее обидных. Она винила Семена в том, что его любовная одиссея, видимо, не имеет конца, он упрекал ее в том, что она совсем опенелопилась, после чего каждый перетолковывал упреки в свою пользу.

Чем больше времени проходило с того дня, тем проще становился рисунок ее супружеских запутанных отношений. Семен Михайлович жил в их квартире, изучая дневники давно ушедших в мир иной людей и не желая совершать никаких поступков в отношении живых девочек. Настя корила себя, обожала дочь и, уставшая от обступивших ее вопросов, не понимала, что же ей делать. Жаль ей было семьи, которая рушилась, жаль было Ташу, а еще было жаль свои грезы о единственной любви, об одном на всю жизнь замужестве, о единственном мужчине. Это «жаль» мешало ей принять решение, в то время как Семена Михайловича вполне устраивала необременительность его нынешнего положения.

Замусоленные до дыр вопросы не давали Насте передышки. Она замужем или нет, если живет с родителями почти год. Подавать ли на развод, если ее чувство к Семену всё еще приступами брало верх над разумными доводами? Что делать с работой и как объяснить Таше всю эту сложную геометрию любовных фигур?

Телефонный звонок своим брянцаньем прогнал вопросы, добавив в ее голос задора, пусть и чуть напускного:

– Привет, мам.

– Настюш, хорошо, что ты дома, – пауза, последовавшая за таким приветствием, больше походившим на ласковое поглаживание по голове на расстоянии, выдала тревогу. – Дед не ест второй день, сегодня не вставал совсем. Врач приходил, но как всегда: «Что вы от меня хотите? Ему же девяносто...»

– Пусть не завидует. Дед еще крепкий, – и несколько нервно продолжила. – Думаешь, не справится? Давай сегодня я подежурю, а ты забереши Ташу из садика.

На том и порешили.

Среди многочисленных дедовых внуков Настя была далеко не младшей, но, безусловно, самой любимой внучкой, и это было взаимно. Ей нравилось произносить старинное имя деда – Илларион Николаевич, перекачивать звуки через двойную «л», затем рычать на «р» и мягко утихать через гласные и согласные до мягкой «ч». Переживший голод двадцатых на селе, жар мартена в войну, смерть семерых малолетних детей, он вместе со своей Феклой Гавриловой вырастил тех, кому суждено было выжить. Его супружница, которая была двумя годами младше него, умерла в семьдесят три. Год после ее смерти дед думал о том, как воссоединиться с дорогой ему Феней. Старший сын переехал к нему, караулил его от глупостей, и через год дед нашел какую-то нить жизни (внуки), ухватился и продолжал жить. Настя рассчитывала и на запас сил у деда, и на его желание дожить до ста. Еще месяц назад он с лопатой в руках копался в саду, пусть и останавливаясь и опираясь на черенок, как будто повисая на ней.

Настя часто бывала у деда, она любила слушать его старинные истории про украинскую деревню с почти гоголевскими ведьмами, после рассказа о которых он мог перескочить на новости городские и заграничные. У них был свой ритуал: Настя целовала его щеку, а он брал ее руки и грел: «Ой, Настя, холодные какие руки. Худенькая ты очень. Надо есть получше, моя хорошая». О чем бы он ни говорил – о неблагоприятном состоянии государственной экономики или о случившемся за доминошным столом споре, – в его словах эхом раздавался почти столетний опыт и в то же время была какая-то невидимая глазу, но чувствуемая нить к современности. Он смотрел на мир с интересом и участием. Настя гордилась, что во главе многочисленных тетушек и дядюшек, двоюродных и троюродных братьев и сестер был глава семейства, настоящий патриарх, мудрец. Настя дорожила дедовой любовью и тем, что дед просто был жив. Слепота, уже несколько лет подбиравшаяся к нему, не мешала ему свежо и смело смотреть на мир. Но Настя понимала, что девяносто есть девяносто, поэтому решила сообщить Семену о состоянии деда. Тем более что дед первый, кто увидел ее нынешнего – или уже бывшего – мужа, когда тот впервые провожал Настю из института домой. Настя нарочно не пошла домой, а отправилась к деду, потому что с трудом соображала, зачем этот взрослый человек идет за ней.

Она набрала номер и почувствовала, что напряглась, заволновалась, подумала, хорошо, что он ее не видит.

– Привет! Звоню сказать, что дед очень плох. Я подумала, может, ты захочешь с ним... увидеться? Да, я буду у него, так что если сможешь, приходи.

Услышав в ответ «конечно», Настя заволновалась еще больше, переживая то ли за деда, то ли за себя, то ли за предстоящую встречу. Она кинулась к зеркалу: нет, от грусти в глазах не спасали ни кремы, ни румяна. Что ж, она взяла длинный тяжелый ключ от дедовой квартиры на случай, если разминется с мамой, купленные для Таши яблоки и, бросив на себя пальто, побежала к деду.

Дед лежал в постели, похудевший, высохший, с седой щетиной на щеках и седым ежиком на голове. За две недели болезни он стал похож на ребенка, вдруг состарившегося. Странно, что немощь оказалась мощнее его жизненной силы.

– Дед, это я, Настя.

Присев к нему на кровать, она обхватила его ладонь двумя руками. Глаза его были открыты, правда, он с трудом различал лишь контуры человеческой фигуры, но эти тоненькие ручки он бы не спутал ни с какими другими.

– Да вот слег я, Настена. Не знаю, выкарабкаюсь ли... Ты-то как?

Настя не успела ответить, в дверь звонили. Семен Михайлович зашел как ни в чем не бывало, как будто не было напряженности последних месяцев, как будто это была обычная семейная встреча. Он даже чмокнул ее в макушку или что-то вроде того. Он прошел в комнату и удивился. Дед действительно выглядел очень слабым: тяжело дышал, иногда глухо кашлял, но тоже без силы, слабо. Глаза его то открывались, то закрывались. Настя чуть громче обычного сказала:

– Дед, к тебе Семен пришел.

– Здравствуйте. Как вы? – доброжелательно, даже с некоторой почтенностью произнес Семен Михайлович.

Илларион Николаевич закашлялся и тихо произнес:

– Зачем ты пришел? – он еще раз набрал воздуха и чеканил слова. – Ты мне чужой человек. Ты мою Настю обидел.

В его словах звучала горечь и, как это ни странно, мужская сила, готовая защищать женщину. Дед прикрыл глаза и задышал размеренно. Неожиданные и для Насти, и тем более для Семена Михайловича слова заставили их взглянуть друг на друга. Они гадали: дед или заснул,

или отказывался говорить. Одно стало ясно: прощальный разговор не удался и встреча окончена.

– Ну и ладно... Я пойду, – с трудом пряча свою обиду, произнес Семен Михайлович. Настя проводила его до двери, закрыла дверь на цепочку, так делал всегда дед, когда знал, что уже вряд ли кто-нибудь придет, и испытала какое-то новое чувство: щемящая боль смешивалась с каким-то новым чувством, как будто не она, но за нее дали сдачи, и каким-то образом этот удар достиг цели.

С этим чувством она прошла на кухню и взглянула в окно. С качелей напротив дома спрыгнула стройная девушка с каштановыми волосами и направилась к Семену Михайловичу. Он, поддерживая ее за локоть, пошел с ней рядом, вскоре они пропали из виду.

«А ты как хотела?!» Это был не вопрос, а укор себе. Настя вернулась к деду. Дед сам взял ее за руку, открыл глаза, смотрел перед собой:

– Тебе плохо, Настя?

– Да, плохо. Всё так навалилось, не знаю, что и делать, – слёзы размывались по ее лицу вместе с тушью и не очень связанными словами. – Если развод, то, представляешь, суд... А что с квартирой? А с работой, деньгами? А вдруг у меня не будет хватать денег на красивые туфли для Таши?

– Настена, причем здесь туфли?

– Не знаю. Я хочу, чтоб у Таши были красивые туфли.

Дед вздохнул:

– Не горюй, Настена. Господь уладит, – он помедлил, а затем попросил, – если тебе нетрудно, пожарь мне картошки.

Настя вздрогнула и замолчала, даже ее слезы замерли от неожиданности.

– Картошки... – она не переспросила, а просто повторила вслед за дедом с его же интонацией. – А тебе можно?

– Можно... Мне теперь всё можно.

Настя пошла на кухню. Привычными движениями умелой хозяйки почистила картошку, порезала ровными дольками, поставила на плиту сковороду, налила в нее масло. И вспомнила...

Да, ей лет шесть. Дед зовет ее на кухню.

– Ну что, Заяц Длинные Уши, давай жарить картошку?

– Но я не умею.

– Так я тебе буду помогать, договорились?

Настя не очень представляла весь этот процесс превращения чумазных головок в соломку с золотистой корочкой. Но то, что дед предложил, было замечательно, и отказаться от этого было никак нельзя.

– Ладно.

– Для начала почистим картошку. Я возьму это на себя. А ты потом будешь жарить.

Ловко орудуя ножом, дед срезал кожицу, и она завивалась новогодним серпантинком. Ей вспомнилось, как было страшно смотреть на мелькание ножа в дедовых руках. Казалось, что нож, направленный прямо в ладонь, сейчас обязательно дойдет до нее и разрежет руку, а у деда и так не было половины указательного пальца на правой руке. Но ничего не случилось: картошка превратилась сначала в круглые лысые головешки, а затем в светлую соломку.

– Ну вот, Шелковая Шерстка, можешь жарить. Сейчас только огонь зажгу да масла в сковороду налью, ладно?

Завернутая в бабушкин фартук, Настя угукнула в ответ и замерла, она почти не дышала, наступал торжественный момент. Дед выкладывал соломку на сковороду, вставши вполоборота, так, чтобы загородить собой Настю от возмущенно шипящего масла,

– Ну все, Белая Кошка Голубые Глаза, я иду за газетой, а ты жарь.

Дед закрыл крышкой сковороду, вручил главному повару деревянную лопатку и вышел в подъезд. Застыв как на посту, Настя не представляла, чем именно она может помочь картошке, чтобы та пожарилась, но и оставить порученное ей дело не могла. Через несколько минут дед вернулся, увидел Настю с ее деревянным флажком.

– Как картошка? Не готова? Давай я ее переверну, – дед поворочал лопаткой и открыл бочонок с солью. – Посолишь, ладно?

– А сколько?

– Возьми щепотку, и вот так, по кругу. Молодец! Пусть еще потомится минут семь, потом поверни вот эту ручку. И всё.

Тогда маленькая Настя гордилась оказанным ей доверием, смутно догадываясь о подвохах этой кулинарии. Годы спустя она восхищалась дедовой совсем не кулинарной премудростью. То, что ей тогда представлялось делом невероятной сложности, он разложил на части, сделал простым или проще простого. Это вошло у них в поговорку, но время затерло ее и заменило похожими на нее, например, про слона, которого можно съесть по кусочкам за присест другими. Но сегодня картошка вернула ее к дедову уроку. «Дед... Ну?!» Настя, быстро и тихо ступая, поспешила в спальню. Дед спал, чуть похрапывая.

Она дожарила картошку и, еще раз взглянув на качели, принялась расписывать, что нужно сделать в ближайшие дни и месяцы. Настя знала, что дед поправится (и она не ошиблась, ему было суждено прожить еще два года) и что она справится с любовной геометрией, потому что это... как картошку пожарить.

2. Как приготовить чиндогу

– На сердце, под сердцем, в головах, при пороге. На сердце, под сердцем, в головах, при пороге... – Марья Алексеевна повидавшими свет руками то как истинная ворожея чинно раскладывала цветные картинки по столу, то с мастерством шулера метала их вокруг бубновой дамы, означавшей даму молодую и незамужнюю. – Сейчас посмотрим. Для тебя, для дома, на сердце, что было, что будет, чем сердце успокоится. Все короли рядом: и светлый при пороге, и темный недалеко. Соня, выбирай, кого хочешь. Светлый с верностью, темный с любовью. И еще валеты все выпали, это не хлопоты, а точно кавалеры твои.

Соня всматривалась в картинки карт, примеряя крестовую масть к одному, червовую к другому. Знакомых хватало и на королей, и на валетов. Легкая в общении, она имела друзей и приятелей, многие из которых были поклонниками ее легкости и красоты, но Соня их такими не числила. Она знала почти наверняка, что нравится Максиму: он постоянно поправлял ее непослушные прядки волос, вытаскивая их из-за воротника пальто, и с улыбкой говорил: «Так лучше». И, возможно, на нее как-то нежно смотрит Митя. И, может быть, еще Андрей, отличает ее особым манером, смущается и начинает чаще заикаться, что делает его еще более милым. Но, может быть, она всё придумывает.

В университетской сутолоке все перемешивались и смотрели друг на друга то так, то эдак.

– Бабушка, так кто из них ближе? Чем, в смысле кем, сердце успокоится? – Соня формулировала вопросы гадательным языком, накручивая и без того кудрявые волосы на палец. – Мне многие нравятся. То один больше, то другой.

– Расклад хороший, ни ударов, ни больного сердца. Злодейка вот в головах, так куда без них, – глубокий и долгий вздох, видимо, был воспоминанием о тех «злодейках», которые встретились на пути самой Марьи Алексеевны. – А короли да валеты – все при тебе, и с разговорами, и со свиданьями: посмотри, сколько восьмерок выпало. Выбирай, кто по сердцу, – правой ладонью накрыла пиковую даму, а левой обвела кругом по мужскому контингенту карт.

Марья Алексеевна глядела в карточный калейдоскоп, высматривала нужную картинку или комбинацию, искренне желая помочь внучке. Соня молчала – нельзя мешать, и сама тоже пыталась усмотреть и высмотреть что-то из может-быть-предначертанного. Сказать, что она очень верила картинкам на картонках, было бы неправдой, но что-то откликалась в ней на эти незамысловатые «любит – не любит». Особенно ей нравилось, как бабушка называла пикового короля: он был «благородным», «постарше», совершенно не способным на плохие дела и не имеющим злых помыслов.

Гадание превратилось если не в ежедневный, то в частый ритуал. И как с подружками она общалась, согревая разговор кофе и наслаждаясь пенкой и сердечком на ней, так с бабушкой они кружили над картами, разговор становился задушевым и самое заветное выходило наружу. И еще Соня надеялась, что вот-вот и укажут карты на суженого, на единственного.

В их женском царстве из трех поколений – бабушки, мамы и Сони – витала надежда, связанная именно с Соней, с ее будущим счастьем. Старшие женщины, считавшие, что они свое отлюбили, на картах не гадали.

Бабушка не была в разводе, «не приятно это было», говорила она. Но складывая воедино истории, Соня понимала, что жизнь с дедушкой, царствие ему небесное, была многотрудной. Дедушку она не помнила, но выходило, что человек он был молчаливый, говорил нечасто, но резко.

Мама, еще молодая, но утратившая интерес к противоположному полу, на предложение погадать ей ответила: «Я свое отгадала». И грустно поправила себя: «Вернее, прогадала». Прогадала, как она считала, с мужем, выбрав из многочисленных претендентов на ее внимание того, кто ценил свои интересы превыше всех остальных, и потому, уехавший в «очень важную»

экспедицию сначала на полгода, затем на год, он вдруг поступил по чести, запросив развод заочно, и вскоре обрел свободу, пропал с их жизненного горизонта. Первое время молва доносила слухи, что Владимир Иванович сошелся с кем-то, потом женился на ком-то, неизвестно было, одно это лицо или два разных, но затем и слухи перестали доходить. Или Елена, мать Сони, перестала слышать их.

И мама, и бабушка очень надеялись, что Соня сделает правильный выбор и будет счастлива за всех них – и за обделенную лаской и вниманием бабушку, и за обманутую ласковыми словами маму. Обе представительницы старшего поколения твердо держались идеи ответственности, идеи полезности, идеи разумности. У мужчины свои обязанности, у женщины свои. Брак будет крепким, если они полезны друг для друга.

Соня слушала обеих, но не внимала. Ей казалось, что она сразу почувствует, Он или не Он. Как ей казалось, интуиция подводила или не давала однозначных ответов, как и бабушкины карты. На первом курсе, осенью, ей всё чаще и чаще хотелось говорить и пить кофе с Андреем, высоким, крепким, с умными серыми глазами и смешными кончиками ушей. Передавая сюжет книги, он незаметно для себя и даже для нее сворачивал на оружие, о котором знал всё или очень многое: историю, технические характеристики, современное применение, любопытные случаи. Она и не замечала, как вдруг вокруг нее были разложены автоматы, летели ракеты, которые немедленно сбивала самая современная система ПВО. Чего-то она не могла понять и, честно говоря, не хотела. Но это был шум войны, мир войны.

Но весной и серые глаза, и кончики ушей стали больше напоминать эльфов, и оружейная тема потеряла интерес. Весной ей хотелось идти рядом с Митей по нешумным и нелюдным улицам, отгородившись от мира. Промокшие ноги – не помеха. Он смотрел на мир особым ближним зрением, подмечал вокруг то, чего не видели другие. Ворона на ветке тополя, и правда, следила за ними. Она бы ее ни за что не заметила. Трава, пробившаяся сквозь снег, образовала почти ровный круглый остров – «настоящий оазис». Брелок на портфеле школьника. Ветки деревьев отбрасывали сетку теней.

Соня была счастлива целых три недели, пока снег не растаял вовсе и на парапете университета ее часто стал встречать Максим.

Именно он позвонил ей в январе и после нескольких приветственных фраз перешел к делу:

– Соня, я знаю, что до 14 февраля времени еще много, но я хочу забить место и время для нас заранее, потому что я уезжаю на неделю в Финляндию. Ну и вообще, хочу подготовиться. Хорошо?

– Да, хорошо, – почти эхом ответила она.

Соня не удивилась, не смутилась и не взволновалась. Сирены завывали позже, когда она положила трубку и особая логическая цепочка вывела ее к следующим выводам: день святого Валентина – праздник влюбленных, поэтому она только что приняла признание в любви и легко подписалась под ответным признанием. И ее согласие, и этот праздник – все вместе означают, что они будут встречаться. Но Соня не была уверена в том, что Максим – Он, тот самый.

Сначала о всех сомнениях и страхах она протрещала бабушке, и не один раз. Бабушка, не знавшая валентиновых дней в своей жизни, быстро ухватила саму идею особого знакового характера праздника и решила уточнить:

– Если ты идешь с ним в этот день, значит, ты соглашаешься на отношения. Так я поняла?

– Ну да.

– Но он же тебе нравится?

– Ну да. Только я не знаю, а вдруг это не Он?

– Ты же не замуж выходишь?!

Мама считала праздник глупым и бессмысленным, но проголосовала в пользу Максима, усталым голосом перечислив свои доводы «за». Ответственный парень – о свидании думает

заранее. Учится отлично – после окончания университета сможет работать у отца, а у того своя юридическая фирма. Помимо учебы занимается машинами – сам зарабатывает. Со всех сторон хорош. «Что проку в этих романтиках?» – был итог Елены, больше упрек себе, после чего она вздохнула и направилась в спальню, почитать книгу.

Решение было принято. Соня начала думать, что бы надеть на свидание. Но неизвестно, куда пойдут. Тогда нужны варианты. Или можно уточнить у Максима, об этом она подумает позже. Нет, это не главное. Подарок! Что же подарить? По привычке Соня сначала обратилась к бабушке, затем к маме. Марья Алексеевна советовала рубашку с галстуком, мама – книгу по юриспруденции, что-нибудь о знаменитых судебных процессах или об истории права. Нет, всё не то!

Паника заставляла мысли скакать с одного предмета на другой; ни один не подходил, не соответствовал то случаю, то возрасту, то сезону, то еще чему-то незримому. Брат! Соня схватила телефон, нажала кнопку три быстрого набора и впервые подумала: «Почти как скорая помощь».

– Алло, Сереж, не мешаю? Слушай, мне нужна твоя помощь. Ты можешь пройтись со мной по магазинам? Максим пригласил меня на день святого Валентина, мне нужен подарок, а я боюсь купить чего-нибудь девчачьего.

Сергей был братом названным. Откуда повелось это, они сказать не могли. Встречаясь в университете, вместо «доброго утра» она приветствовала его обращением «брат» и на мгновение головой касалась его груди: ее ухо приходилось ему ровно на сердце. Он отвечал: «Сестра», – наклонял голову и едва касался ее волос. Затем они ждали своих или не ждали, брели по коридору, перебирая номера аудиторий, как утреннюю считалку. Они готовились к семинарам, обменивались заданиями, чтобы выиграть время и сэкономить силы. Выручали и прикрывали друг друга. Иногда Соне удавалось поставить галочку присутствия в отсутствие Сергея, иногда тоненькая «сестра» пряталась за крепким «братом», прячась от преподавателя, чтобы не объяснять тому, почему она не сдала два дня назад обещанный реферат. Ей было стыдно, когда не удавалось держать слово, и было невдомек, что преподавателю дел было мало до ее реферата. Сергей смеялся над этой привычкой, но спокойно выполнял роль живого щита. Нужно так нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.